

АМАНДА АРЧЕР

ИПОТЕКА ДЛЯ ВАМПИРА

Справка
о бессмертии

ОКНО № 666

Медицинская
форма 086/В

СНИЛС

СНИЛС

18+

Аманда Арчер

Ипотека для вампира

<https://litres.ru/73543924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мария Сергеевна, риэлтор с семилетним стажем, думала, что её уже ничем не удивить. Но клиент, который хочет купить подвал за золотые монеты, а в качестве документа предъявляет пергамент 1689 года — это даже для неё перебор. Чтобы сделка состоялась, ей предстоит получить справку о бессмертии в Институте вампирологии, пережить проверку Центробанка и подружиться с паспортисткой, которая выдаёт документы «неучтённым гражданам». И попутно не влюбиться в этого бледного аристократа с грустными глазами.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Клиент, который не любит рассветы	5
Глава 2. Справка о бессмертии	19
Глава 3. Справка о доходах, или Тайна вечной бухгалтерии	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аманда Арчер

Ипотека для вампира

Пролог

Эта история началась самым обычным вечером в самом обычном московском офисе. Риэлтор Маша пила пятую чашку кофе, считала комиссионные и мечтала об отпуске. Она ещё не знала, что через несколько часов ей позвонят с предложением, которое изменит её жизнь навсегда.

А в трёхстах километрах от Москвы, в старом особняке, переоборудованном под элитную гостиницу для нестандартных постояльцев, древний вампир граф Владек Тишек листал сайты с недвижимостью и думал о том же, о чём думают все вампиры перед переездом: где найти тихое место без окон, с хорошей звукоизоляцией и, желательно, с земляным полом.

Их встреча была неизбежна.

Глава 1. Клиент, который не любит рассветы

22:45, офис агентства недвижимости «Ключ-Квадрат»

Пятая чашка кофе за сегодня была лишней. Маша знала это, когда делала первый глоток, но остановиться уже не могла — как пьяница, который обещает себе «последнюю рюмку», а сам наливает снова. Кофе было ее личной зависимостью.

За окном давно стемнело. Офис на втором этаже старого купеческого особняка пустовал — коллеги разбежались еще в шесть, оставив после себя запах дешевого растворимого кофе и гору неоплаченных чеков. Маша сидела с ногами в кресле, подложив под спину подушку с логотипом агентства, и тупо смотрела в монитор.

На экране моргала таблица Excel с заявками.

Квартира, 35 квадратных метров, метро «Парк культуры», 112 млн. Без ремонта, но с видом на зеленую зону.

Квартира, 42 квадратных метра, метро «Сокол», 114 млн. С балконом меньше 20 сантиметров.

Студия, 28 квадратных метров, метро «Динамо», 19 млн. Окна во двор, дом — «корабль», каркас трещит по швам.

Маша зевнула, поправила сползающие очки в черепаховой оправе и отхлебнула кофе. Кофе был холодный и горь-

кий, как осознание того, что завтра снова рано вставать и ехать показывать убитую хрущевку молодой семье с ребенком.

Маша была обычной. Нет, правда, обычнее некуда. Серо-зеленые глаза, которые в пасмурную погоду становились просто серыми, русые волосы, вечно собранные в небрежный пучок на затылке, из которого выбивались непослушные пряди. Рост 167, вес — ну, неважно. Джинсы, удобные кеды (показывать квартиры на каблуках — мазохизм чистой воды), простая белая рубашка, на левом запястье — бабушкины часы, которые спешат на пять минут, как ты их не отлаживай.

Маша была из тех девушек, про которых говорят «симпатичная, но ничего особенного». Те, мимо кого проходит в толпе и не оборачиваются. Но если приглядеться — в уголках губ пряталась вечная усмешка, а в глазах — усталая, но живая ирония.

Телефон зазвонил в 22:55.

Маша едва не пролила кофе на клавиатуру. Определитель услужливо высветил: «Абонент скрыл номер». Обычно это означало одно из трех: коллекторы, реклама стоматологии или клиент, который сейчас скажет «я передумал».

— Агентство «Ключ-Квадрат», Мария Сергеевна, слушаю, — отрапортовала она на автомате, стараясь, чтобы голос звучал бодро, хотя внутри булькало только желание добраться до подушки.

В трубке повисла тишина. Секунда, вторая. Маша уже хотела повторить, как услышала дыхание. Оно было каким-то... необычным. Ровным. Слишком ровным. Без пауз, без всхлипов, без характерного шума живого человека.

— Мне нужна квартира, — произнес голос.

Низкий, бархатистый, с легким, едва уловимым акцентом. То ли венгерским, то ли румынским — Маша не разобралась, но звучало дорого. Очень дорого. Такие голоса бывают у людей, которые никогда не говорят громко, потому что их и так все слушают.

— Да, конечно! — Маша щелкнула мышкой, открывая форму заявки. — Какой район вас интересует? Метраж? Бюджет?

— Мне нужно скромное жилье, — голос задумался. — Небольшое. Желательно... без доступа солнечного света.

Маша убрала руки с клавиатуры.

— Простите?

— Солнце, — терпеливо пояснил голос. — Мне оно противопоказано. По состоянию здоровья.

«Аллергия на ультрафиолет, — сообразила Маша. — Бывает же. Бедный человек, наверное, вообще из дома не выходит».

— Понимаю, — сказала она сочувственно. — Тогда квартиры на первых этажах, с окнами на север, или в домах, где много зелени. Есть варианты. А что насчет звукоизоляции?

— Желательно, чтобы стены были потолще, — в голосе

послышалась грусть. — Соседи... они часто бывают шумными. Особенно по ночам.

Маша хмыкнула про себя. Очередной музыкант. Диджей или звукорежиссер. Они вечно ищут студии с хорошей изоляцией, чтобы басы не сотрясали дом.

— Без проблем. Есть пара вариантов в старом фонде, стены там метр, хоть из пушки стреляй. Когда вам удобно посмотреть?

— Сегодня, — сказал голос.

Маша глянула на часы. Почти одиннадцать.

— Сейчас? Поздновато...

— Я работаю по ночам, — в голосе послышалась едва уловимая усмешка. — Такой график. Если вам неудобно, я могу обратиться в другое агентство.

«Клиент всегда прав, — всплыло в голове правило, вбитое директором за семь лет. — Особенно клиент, который готов посмотреть квартиру в одиннадцать ночи. Такой либо купит, либо убьет. В любом случае, интересно».

— Заишите адрес, я скоро подъеду, — вздохнула Маша, закрывая Excel.

23:35, улица Спиридоновка, сталинская высотка

Маша стояла у подъезда и тряслась от холода. Март в этом году выдался мерзкий — ветер пробирал до костей, с неба сыпалась какая-то ледяная крупа, которая таяла на волосах и затекала за воротник.

Она надела пуховик, но он, кажется, только делал вид, что

гreet. Изо рта валил пар. Маша переминалась с ноги на ногу и вглядывалась в темноту.

Клиент опаздывал на пять минут.

«Конечно, — думала она мрачно. — Конечно, он опоздает. Музыканты вечно в игноре. Сейчас приедет весь в татуировках, в худи с капюшоном, будет делать умное лицо и говорить, что ему нужна студия с видом на помойку, потому что вид на помойку вдохновляет».

Из-за поворота выплыл автомобиль.

Маша не разбиралась в марках машин, но эту она узнала сразу. Потому что такие машины не ездят по Спиридоновке в час ночи. Они стоят в закрытых паркингах под домами, где стоимость машино-места в месяц выше, чем Машина годовая зарплата.

Черный «Майбах». Длинный, тяжелый, бесшумный, как акула. Он причалил к тротуару, и ветер, казалось, стих, признавая превосходство.

Задняя дверь открылась.

Маша ожидала увидеть татуированного диджея в спортивных штанах. Или, на худой конец, старого хиппи с седой бородой и серьгой в ухе.

Из машины вышел граф.

Настоящий граф. Маша в жизни не видела графов, но если бы ей сказали: «Нарисуй графа», — она нарисовала бы именно его.

Высокий. Очень высокий — под два метра, наверное. Ху-

дощавый, но не тощий — чувствовалась порода. Длинное черное пальто, явно не с рынка, а из тех мест, где шьют вручную и на заказ. Под пальто — темно-серый костюм-тройка. Машинальный взгляд Маши зацепился за запонки — серебро, с какими-то темными камнями, похожими на гранаты.

Лицо... Маша никогда не видела таких лиц вживую. Только на старых портретах в музеях.

Бледная кожа. Не аристократическая бледность «я устал от светских приемов», а настоящая, фарфоровая, почти светящаяся в темноте. Высокие скулы, прямой нос с горбинкой, тонкие губы. Темные волосы, зачесанные назад, с проседью на висках — но проседь эта выглядела не старческой, а скорее декоративной, как у дорогого породистого пса.

Глаза были темно-карими, почти черными, и смотрели на Машу с вежливым интересом, как смотрят на незнакомый, но неопасный вид насекомых. В них не было ни тепла, ни холода — только бесконечное спокойствие и какая-то древняя, утомленная вечность.

Маша почувствовала, что стоит с открытым ртом и быстро его закрыла.

— Мария Сергеевна? — спросил он.

Голос был тот самый. Бархат и акцент.

— Да, это я, — выдавила Маша. Голос предательски сел.

— Вы... э-э... клиент?

— Простите за опоздание, — он чуть склонил голову.

Движение было плавным, почти кошачьим. — Пробки.

Пробки в час ночи. Ага, конечно.

— Ничего страшного, я сама только подошла, — соврала Маша, у которой уже зубы стучали от холода. — Пойдемте? Там квартира на третьем этаже, очень светлая, с высокими потолками...

— Светлая? — он поморщился. Так морщатся, когда предлагают несвежую рыбу. — Я же просил без доступа света.

— Там шторы, — поспешно сказала Маша. — Плотные. Можно повесить блэкаут. А вообще, посмотрим, вдруг понравится.

Он кивнул и жестом предложил ей идти первой.

Когда Маша проходила мимо, она случайно задела его рукав. Ткань пальто была прохладной на ощупь, но сам граф... от него не шло тепла. Вообще. Как от камня.

«Просто на улице холодно, — подумала Маша. — У всех пальто холодные. Не выдумывай».

В подъезде пахло кошками и сыростью. Горела только каждая вторая лампа, создавая зловещий полумрак. Лифт не работал — табличка «ведутся ремонтные работы» висела здесь еще с прошлой осени.

— Нам на третий, — виновато сказала Маша. — Пешком. Вы как?

— Я привык, — спокойно ответил граф. — Замки, в которых я жил раньше, были выше.

«Замки, — мысленно хмыкнула Маша. — Ну и фантазия.

Прямо ролевик-реконструктор».

Они поднялись. Маша, хоть и была в кедах, запыхалась. Граф даже не сбил дыхание. Он вообще, кажется, не дышал. Или дышал так редко, что это было незаметно.

Дверь квартиры Маша открыла своим ключом — хозяйка жила в престижном районе, а эта квартира досталась от бабки в наследство. Так что хозяйка быстро отдала ключи и доверила показы агентству.

Щелкнул выключатель. Прихожая осветилась тусклым светом люстры в стиле «оливье 80-х».

Квартира была ничего. Трешка в сталинском доме — просторная, потолки под три с половиной метра, паркет хоть и старый, но благородный. Окна выходили во двор, и даже сквозь грязные стекла было видно, что двор тихий, без машин.

Граф медленно прошел в гостиную. Его шаги были бесшумными — Маша не слышала ни звука. Он остановился у окна, посмотрел на улицу.

— Слишком светло, — сказал он. — Даже ночью. Фонари.

— Ну, это Москва, — развела руками Маша. — Тут везде фонари. Если вам нужна абсолютная темнота, только за городом. Или подвал.

— Подвал? — в его голосе мелькнул интерес. — Расскажите про подвал.

— Ну... — Маша замялась. — Есть одна хрущевка на окраине, там полуподвальное помещение. Раньше была па-

рикмахерская, потом закрылась. Перевели в жилой фонд, но так и не продать. Окна маленькие, под самым потолком, почти не пропускают свет. Пол бетонный, стены толстые. Но там ремонт нужен, полный.

— Покажите.

Маша уставилась на него.

— Сейчас? Это на другом конце города.

— Я могу подождать, — граф повернулся к ней. В полумраке его глаза блеснули красным — наверное, отсвет люстры. — У меня есть время. У меня его много.

Маша открыла рот, чтобы сказать, что она устала, что хочет спать, что показы в час ночи — это перебор. Но вместо этого сказала:

— Ладно. Поехали.

00:20, улица Красного Маяка, хрущевка-«корабль»

Это был тот самый район, про который говорили: «Туда даже таксисты боятся ехать». Панельные пятиэтажки, гаражи-ракушки, собаки на самовыгуле и запах жареных семечек вперемишку с «Беломором» из круглосуточного ларька.

Граф в своем пальто за миллион смотрелся здесь как лебедь в курятнике. Но он не обращал внимания на обшарпанные стены и лужи во дворе. Он смотрел на дом с каким-то... предвкушением?

Подвал находился в торце дома. Отдельный вход, заваленный мусором. Маша долго возилась с ключами — замок заржавел.

— Сейчас, сейчас, — бормотала она, пиная дверь.

Наконец, замок поддался. Дверь со скрипом открылась, и оттуда пахло сыростью, плесенью и... Маша не поверила своему носу — землей. Чистой, влажной, лесной землей.

Маша нащупала выключатель. Загорелась голая лампочка на проводе.

Помещение было метров сорок. Грязные стены, цементный пол, маленькие окошки под самым потолком, через которые едва пробивался свет уличного фонаря. В углу валялся старый парикмахерский стул с вырванными подлокотниками.

Маша поморщилась.

— Ну, как видите, состояние не очень. Требуется косметический ремонт, стяжка пола, сантехника подведена, но старая, лучше менять. Если интересно, могу запросить цену...

Она обернулась и замолчала.

Граф стоял в центре комнаты, закрыв глаза. На его лице было выражение блаженства. Так выглядят люди, которые после долгой дороги наконец сняли ботинки и опустили ноги в таз с теплой водой.

— Здесь, — выдохнул он.

— Что?

— Здесь идеально. Чувствуете? — он вдохнул, и Маша впервые заметила, что грудь его действительно поднимается. — Ни сквозняков. Ни солнца. Земля. Почти как дома.

— В смысле — земля? — Маша оглядела бетонный пол.

— Тут бетон.

— Под бетоном, — он посмотрел на нее с высоты своего роста, и в глазах его впервые появилось что-то похожее на эмоцию. Восторг. Чистый, детский восторг. — Там, глубоко. Я чувствую. Здесь можно сделать... — Он запнулся, подбирая слово. — Это хороший подвал.

Маша смотрела на него и не знала, что думать. Обычные люди не радуются подвалам. Обычные люди хотят евроремонт, панорамные окна и вид на парк.

— Вы... — начала она осторожно. — Вы точно музыкант?

— Музыкант? — он перевел на нее взгляд, и в нем мелькнуло удивление. — Нет. Я вообще не умею играть. Разве что на нервах. Иногда.

— А кто вы?

Граф улыбнулся. Впервые за вечер. Улыбка у него была странная — уголки губ приподнялись, но глаза остались серьезными. И клыки. Маленькие, едва заметные, но определенно острые клыки блеснули в свете лампочки. Нефор, точно.

— Я просто старомодный человек, — сказал он. — Люблю тишину, темноту и покой. И очень давно ищу такое место. Сколько это стоит?

Маша назвала цену — три миллиона. Смешные деньги по московским меркам. Граф кивнул, даже не поморщившись.

— Я беру.

Маша почувствовала, как сердце сделало кульбит. Комиссия! Три ляма! Можно будет, наконец, закрыть тот дурацкий кредит за машину, которую она уже разбила и продала на запчасти, но кредит так и не покрыла.

— Отлично! — затараторила она. — Тогда завтра встречаемся в офисе, подписываем предварительный договор, потом идем в банк за ипотекой, если вам нужно...

— Ипотека? — перебил граф. — Зачем?

— Ну, обычно люди берут кредит на покупку жилья, — объяснила Маша. — Если у вас нет всей суммы сразу. А у вас есть?

Граф задумался. Потом полез во внутренний карман пальто и достал... мешочек. Кожаный, старый, перетянутый шнурком. Он развязал его и показал Маше.

Внутри тускло блеснуло золото. Монеты. Старинные, с профилями каких-то королей в коронах.

— Это подойдет?

Маша моргнула.

— Это... золото?

— Да. Червонцы. Еще при Франце-Иосифе чеканили. И немного праха. Семейный, очень ценный.

— Праха?

— Ну, знаете, прах предков. В горшочке. Символически, конечно, не весь прах, а так, щепотка. Для ауры.

Маша закрыла глаза. Открыла. Мешочек никуда не делся. Золото по-прежнему блестело. Пахло от него, кстати, тоже

землей.

— Понимаете, — сказала она медленно и мягко, как говорят с людьми, которые только что сбежали из психиатрической лечебницы. — Золото мы, конечно, можем принять. В ломбарде. Но для сделки с недвижимостью нужен безналичный расчет. Банковский перевод. У вас есть счет в банке?

— Счет? — граф нахмурился. — В банке?

— Ну да. Карта, счет. Сбербанк, Тинькофф, ВТБ. Хоть что-то?

— Я не пользуюсь банками, — в голосе графа послышалась нотка высокомерия. — Я предпочитаю хранить средства в натуре. Это надежнее.

Маша вздохнула. Золото, прах, Франц-Иосиф... Клиент явно был с приветом. Но клиент хотел купить подвал. Пусть и за золотые монеты.

— Хорошо, — сказала она, принимая решение. — Давайте так. Я узнаю у юриста, как можно повернуть сделку с оплатой золотом. Может, через оценку и нотариуса. Но скорее всего, вам все равно придется открыть счет. Это быстро. У вас есть паспорт?

— Паспорт, — повторил граф. — У меня есть кое-что получше.

Он достал из другого кармана сложенный в несколько раз пергамент. Настоящий пергамент, пожелтевший, с выцветшими чернилами и огромной сургучной печатью с изображением... Маша присмотрелась... с изображением дракона?

Или летучей мыши?

— Что это? — спросила она обреченно.

— Свидетельство о рождении, — гордо сказал граф. —
Выдано в 1689 году. С подписью самого воеводы Трансиль-
вании.

Маша посмотрела на пергамент. Потом на графа. Потом на его клыки, которые при улыбке стали чуть заметнее.

— Вы... — ее голос дрогнул. — Вы случайно не вампир?

Граф моргнул. Потом улыбнулся уже шире, и клыки по-
казались полностью.

— А я не сказал? — удивился он. — Простите, ради бога.
Думал, это очевидно. Я граф Владек Тишек из рода Батори.
Очень приятно, Мария Сергеевна.

Маша почувствовала, что ей срочно нужно сесть. Парик-
махерский стул жалобно скрипнул под ней.

За окном, в маленьком окошке под потолком, начало све-
тать.

Глава 2. Справка о бессмертии

6:30 утра, квартира Маши в спальном районе Москвы

Маша лежала на кровати, уставившись в потолок, и пыталась убедить себя, что прошедшая ночь ей приснилась.

Это был очень странный сон. В нём был «Майбах», подвал с парикмахерским стулом, граф с клыками и мешочек золота времён Франца-Иосифа. А под конец сна граф вежливо поинтересовался, не боится ли она ездить с вампирами по ночам, потому что у него как раз закончился бензин, а на заправке «Лукойл» ему всегда почему-то отказываются наливать.

— С добрым утром, — прохрипела Маша в потолок.

За окном серело хмурое мартовское утро. Будильник показывал 6:30 — время вставать на работу, хотя спать легла она в половине третьего. Маша пошарила рукой по тумбочке в поисках телефона и наткнулась на что-то твёрдое и холодное.

Она повернула голову.

На тумбочке лежала золотая монета. Старинная, с профилем усатого мужчины в короне и надписью на непонятном языке.

Маша села рывком.

— Нет, — сказала она вслух. — Этого не может быть.

Монета не исчезла. Маша взяла её в руки — тяжёлая, хо-

лодная, настоящая. На обороте красовался герб с драконом и дата — 1897.

— Он положил мне это в карман, — прошептала Маша, вспоминая, как граф на прощание пожал ей руку и сказал: «Это задаток. Чтобы вы не передумали». Она тогда подумала, что он просто галантничает.

Телефон зазвонил. Номер скрыт.

Маша поднесла трубку к уху с чувством, что сейчас её жизнь разделится на «до» и «после».

— Мария Сергеевна? — раздался знакомый бархатный голос. — Доброе утро. Не разбудил?

— Нет, — честно сказала Маша. — Я уже вставала.

— Прекрасно. Я хотел уточнить: вы говорили про банк. Куда мне подъехать?

Маша посмотрела на монету. Потрогала клыки у себя во рту — на месте, человеческие, не выросли. Значит, она не превращается в вампира от простого рукопожатия. Уже хорошо.

— Граф... э-э... простите, как вас по отчеству?

— Можно просто Владек, — в голосе послышалась улыбка. — Отчества у нас не приняты. Слишком долго живу, чтобы помнить всех предков.

— Ага, — Маша попыталась собрать мысли в кучу. — Владек, слушайте. У нас проблема. Вам нужно в банк, но с вашим... гм... паспортом 1689 года вас никуда не пустят. Вам нужен современный документ.

— А как его получить?

— Паспортный стол. МФЦ. Но там нужно фотографироваться.

В трубке повисла тяжёлая пауза.

— Фотографироваться? — переспросил граф таким тоном, будто Маша предложила ему съесть чеснока с серебряной ложки.

— Ну да. Фото на документы.

— Мария Сергеевна, — голос графа стал тихим и каким-то обречённым. — Я не отражаюсь в зеркалах. И не получаюсь на фото.

Маша закрыла глаза.

— Ладно, Владек. Придётся что-то придумать. Давайте встретимся через час у МФЦ на Таганке. Я попробую договориться.

— Вы удивительная женщина, — сказал граф совершенно искренне. — Никто не соглашался помогать мне с документами последние лет сто.

— А что вы делали сто лет назад?

— Жил без документов. Но теперь хочу ипотеку. Наверное. Времена меняются.

Маша хмыкнула и нажала отбой.

9:30, Многофункциональный центр «Мои документы» на Таганке

Очередь в МФЦ была как на Первомайский парад — торжественная, безнадёжная и с ветеранами труда в первых ря-

дах. Маша взяла талончик и обречённо посмотрела на номер: С-345. На табло горел С-012.

— Триста тридцать три человека, — прошептала она. — Хорошая цифра, мистическая.

Граф появился бесшумно. Просто возник рядом, и Маша вздрогнула, почувствовав холодок.

Сегодня он был одет менее пафосно — чёрная водолазка, тёмные брюки, длинное пальто. Но всё равно выглядел так, будто сошёл с обложки журнала «АристократЪ». На него оглядывались. Бабушка с талончиком С-055 даже перекрестилась украдкой.

— Доброе утро, — граф чуть склонил голову. — Вы прекрасно выглядите.

Маша фыркнула. Она выглядела ужасно — под глазами круги от недосыпа, волосы кое-как собраны в хвост, наспех натянула старый свитер с оленями. Но граф смотрел на неё с таким искренним восхищением, будто она была в вечернем платье.

— Врёте, — сказала Маша. — Но спасибо. Присаживайтесь, у нас часа три минимум.

Они сели на пластиковые стулья. Граф аккуратно поправил полы пальто, чтобы не помялись, и с интересом уставился на электронное табло.

— Удивительная техника, — заметил он. — Раньше мы просто ждали у дверей канцелярии. Иногда неделями.

— Прогресс, — Маша зевнула. — Слушайте, Владек. Мне

нужно понять, что с вами делать. Вы не отражаетесь, не фотографируетесь... А как вы вообще жили всё это время? Деньги где брали?

— Продавал семейные реликвии, — граф пожал плечами. — У меня их много. Замок в Карпатах пришлось оставить ещё в XIX веке — туристы достали. С тех пор скитаюсь. Был в Париже, в Лондоне, в Берлине. В Москве мне нравится. Здесь темно зимой.

— А работать? Вы работали когда-нибудь?

— О, да, — граф оживился. — В Лондоне я устроился в театр. Играл призрака в «Гамлете». Очень органично получалось, зрители плакали. Потом выяснилось, что у меня нет разрешения на работу, и меня депортировали.

Маша представила себе вампира, которого депортируют из Англии, и не смогла сдержать улыбку.

— А в Париже?

— Был ночным сторожем на кладбище Пер-Лашез, — вздохнул граф. — Идеальная работа. Тишина, покой, клиенты не жалуются. Но хозяин узнал, что я... гм... обедаю на рабочем месте, и уволил.

— Обедаете?

— Ну да. Кладбище, знаете ли, богато на... свежий материал. Не всегда, конечно, но иногда приходили посетители. Я был аккуратен, честное слово! Никаких следов.

Маша моргнула. Она как-то упустила из виду, что вампиры — это всё-таки хищники.

— Так вы... едите людей?

Граф посмотрел на неё с укоризной.

— Мария Сергеевна, ну что вы. Я культурный. Пользуюсь донорскими пунктами. Сдаю плазму, так сказать, в обратную сторону. За деньги, разумеется. У нас, вампиров, есть своя система. Мы сдаём кровь в лаборатории, нам платят, а исследователи рады — редкий биоматериал.

— То есть вы работаете донором?

— Можно и так сказать. Только я не сдаю, а принимаю. Это сложнее юридически.

Их разговор прервало табло — загорелся номер С-045. До них было ещё триста человек, но бабушка с номером С-055 вдруг встала и решительно направилась к графу.

— Молодой человек, — обратилась она строго. — Вы верующий?

Граф поднял на неё спокойный взгляд.

— Я, бабушка, скорее, объект веры. Но в хорошем смысле.

Бабушка не поняла, но почувствовала подвох.

— А чего такой бледный? Анемия у тебя на лицо, с кровушкой проблемы, пей железа что ли, для гемоглобина. Свекольный сок помогает.

— Обязательно попробую, спасибо, — серьёзно кивнул граф.

Бабушка ушла, бормоча что-то про «молодёжь пошла - ни кожи ни рожи». Маша прыснула в кулак.

— Владек, вы ей про кровь всерьёз сказали?

— А что? Свёкла действительно помогает. Там много железа. Я пробовал. Не то чтобы насыщает, но цвет лица улучшает.

12:45, кабинет №7, паспортистка Зинаида Ивановна

Через три часа они, наконец, доползли до заветного окошка. За стеклом сидела женщина лет пятидесяти с идеальным бюрократическим лицом — таким, которое не выражает эмоций, потому что эмоции мешают выдавать справки.

— Здравствуйте, — Маша попыталась улыбнуться самой располагающей улыбкой. — Нам нужен новый паспорт, потеряли.

— Документы, — Зинаида Ивановна даже не подняла глаз.

Граф положил на стойку пергамент. Зинаида Ивановна подняла глаза. Глаза у неё были маленькие, колючие, как у таксы, увидевшей Чужого.

— Это что?

— Свидетельство о рождении, — пояснил граф.

Зинаида Ивановна взяла пергамент двумя пальцами, будто он был заразным. Поднесла к глазам. Прочитала. Отложила.

— 1689 год?

— Да.

— У нас тут не музей.

— Я понимаю, — граф был само очарование. — Но дру-

гих документов у меня нет. Войны, революции, пожары... Сами понимаете.

Зинаида Ивановна посмотрела на него. Потом на Машу. Потом снова на пергамент. И вдруг её лицо дрогнуло.

— Вы что, серьёзно? — спросила она шёпотом. — Из этих?

— Из каких? — не поняла Маша.

— Из неспящих, — Зинаида Ивановна понизила голос до шелеста. — Я же вижу. Клыки прячете? Я сорок лет в паспортном столе работаю, всякого навиделась. И лешим прописка была нужна, и русалки приходили права получать.

А два года назад оборотень загранпаспорт оформлял — фоторобот составляли, потому что в камеру у него морда звериная получалась. Так что меня не проведёшь.

Маша от удивления открыла рот. Тут же спохватилась и закрыла. Второй раз в жизни ее подводили жевательные суставы. Граф с интересом склонил голову.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

— Фотографироваться не будете? — уточнила тётя Зина.

— Бесплезно. На плёнке меня нет.

— Знаю, знаю, — Зинаида Ивановна замахала рукой. — Были уже такие. Ладно. Есть у нас спецбланки. Для неучтённых граждан. Только справку принесите.

— Какую справку?

— О бессмертии. Из Института Вампирологии при РАН. Они там исследования проводят, выдают заключения, что

гражданин действительно существует более ста лет и не является лицом без определённого места жительства.

Маша чувствовала, что реальность окончательно сошла с ума.

— Есть такой институт? — спросила она осипшим голосом.

— На Ленинском проспекте, — кивнула тётя Зина. — Серое здание с летучими мышами на фронтоне. Не промахнётесь.

Она протянула графу бумажку с адресом и вернула пергамент.

— Следующий!

14:30, Институт Вампирологии РАН, приёмная комиссия
Здание действительно было серым и с летучими мышами на фронтоне. Мыши были каменные, с красными глазами — видимо, когда-то их покрасили, но краска облупилась, и глаза стали просто чёрными дырами, отчего мыши выглядели ещё зловещее.

Внутри пахло формалином, землёй и почему-то борщом. В приёмной сидели странные личности — один гражданин с неестественно бледной кожей листал журнал «Охота и рыболовство», другой, с явным синяком под глазом (или это была тень?), дремал в углу.

— Талоны через терминал, без бахил не проходим, — сказала вахтёрша, не поднимая головы от вязания. Клыков у неё не было, но крючок мелькал с такой скоростью, что Маша

засомневалась — человек ли?

Бахилы нашлись в рваной коробке у стойки. Молча нацепили. Терминал оказался древним, с синим экраном и клавиатурой, заляпанной чем-то подозрительно красным. Маша нажала кнопку, и терминал выплюнул талончик: В-666.

— Мило, — прокомментировал граф.

В кабинет их пригласили через полчаса. За столом сидел пожилой профессор с аккуратной седой бородкой и в пенсне. Настоящий учёный, каких сейчас днём с огнём не сыщешь. На столе стояла банка с формалином, в которой плавало что-то, отдалённо напоминающее ухо.

— Садитесь, голубчики, — профессор поправил пенсне. — По какому вопросу?

— Нам справку о бессмертии, — выпалила Маша, пока граф с интересом рассматривал банку с ухом.

— Для паспортного стола, — добавил граф. — Хочу ипотеку взять.

Профессор оживился.

— Ипотека? Бессмертному? Интересно, интересно. А в каком банке?

— «Клык-Капитал», — сказал граф. — Посоветовали.

— Хороший банк, — кивнул профессор. — Надёжный. У них ставки для наших лояльные. Но справка нужна, да. Давайте документы.

Граф протянул пергамент. Профессор надел вторые очки поверх первых, долго изучал, водил пальцем по печати, даже

понюхал.

— Подлинный, — вынес вердикт. — Воеводская печать, сургуч с добавлением крови — наша, карпатская лаборатория подтвердит. Год рождения?

— 1648-й, — скромно сказал граф.

— Ого! — профессор уважительно посмотрел на него. — А я всего 1873-го. Молодёжь. Ну что, коллега, пройдёте на экспертизу?

Маша осталась ждать в коридоре. Через стеклянную дверь она видела, как графа завели в комнату, всю увешанную зеркалами. Он прошёл между ними — ни одно не отразило даже тени. Потом его посадили перед фотокамерой — на снимке был пустой стул.

— Классика, — довольно кивнул профессор, выходя через полчаса. — Чистый случай. Ни следа, ни отражения, пульс отсутствует, температура тела 15 градусов. Бессмертие подтверждаю.

Он поставил круглую печать на гербовую бумагу и протянул графу.

— С вас три тысячи рублей.

— За справку? — удивилась Маша.

— За исследование, — поправил профессор. — Наука денег стоит. А справка — бесплатно. Добро пожаловать в официальный реестр бессмертных граждан РФ.

17:00, снова МФЦ, кабинет Зинаиды Ивановны

Очередь двигалась медленно, как тесто после холодильни-

ка. На пластиковых стульях сидели граждане с лицами людей, которые уже смирились с тем, что проведут здесь остаток жизни. Женщина в вязаной кофте перебирала какие-то квитанции. Мужчина в камуфляже уткнулся в телефон. Девочка-подросток скучающе листала ленту, периодически закатывая глаза.

Маша сидела между графом и бабушкой с авоськой и чувствовала, как у неё начинает дёргаться глаз. Тот самый нервный тик, который появлялся всегда, когда она заходила в любое государственное учреждение.

— Долго ещё? — шепнул граф, смахивая невидимые пылинки с пальто.

— Владек, мы здесь двадцать минут, — так же шёпотом ответила Маша. — Это даже не начало. Расслабься и думай о вечном.

— Я и так думаю о вечном триста лет подряд, — философски заметил граф. — Обычно в такие моменты я вспоминаю, что мог бы остаться в Париже.

— В Париже тоже очереди.

— Там хотя бы очереди элегантные. С багетами.

Маша хмыкнула и отвернулась, пытаясь не рассмеяться.

Наконец на табло загорелся их номер. Они подошли к окошку Зинаиды Ивановны.

— Садитесь, — сказала она, не поднимая глаз. Голос звучал ровно, как у диктора метро, объявляющего остановки. — Документы приготовили?

— Да, — Маша выложила на стойку свежеполученную справку.

- Ну вот, другое дело.

— Заполняйте, — она протянула бланк графу. — Фамилия, имя, отчество. Пишите разборчиво.

Граф взял ручку, посмотрел на неё, как на незнакомый инструмент, и вдруг спросил:

— А можно пером?

Женщина подняла глаза. В них мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее удивление.

— Чем?

— Гусиным пером, — пояснил граф. — И чернилами. Я привык.

Маша закрыла лицо рукой. Она физически ощущала, как очередь сзади начинает тихо ненавидеть их.

— Владек, — прошипела она. — Просто пиши шариковой. Здесь все так пишут.

Граф вздохнул с видом мученика, обречённого на варварские условия, и начал выводить буквы. Почерк у него был каллиграфический, с завитушками и нажимами — будто он писал жалобу королеве Виктории, а не заявление на получение паспорта.

Женщина забрала бланк, пробежала глазами и нахмурилась.

— А где отчество? — спросила она, глядя на графа поверх очков.

— У меня нет отчества, — спокойно ответил граф.

— Так не бывает, — отрезала женщина тоном, не терпящим возражений. — У всех есть отчество. Даже у беспризорников есть отчество. Вы откуда вообще?

— Я иностранец, — пояснил граф.

Женщина прищурилась. Теперь в её взгляде читалось что-то новое — смесь подозрения и привычного презрения к тем, кто прибыл из-за бугра.

— А-а-а, — протянула она с лёгкой усмешкой. — Релокант, что ли? Сбежали от мобилизации? Или от санкций?

Маша внутренне закатила глаза. Начинается.

— Нет, — ровно ответил граф, сохраняя идеальное спокойствие. — Я не релокант. Я просто переехал из-за границы. По личным обстоятельствам.

— Ага, — женщина хмыкнула и скривила губы, будто только что раскусила лимон. — Понаехали тут. Мигранты. И откуда же?

— Из Трансильвании.

Зинаида Ивановна моргнула. Удивление на секунду пробилось сквозь броню бюрократического равнодушия.

— Трансильвания? — переспросила она. — Это где? В Румынии, что ли?

— Да, — кивнул граф. — Историческая область в центре Румынии. Там, где Карпаты.

— А-а-а, — женщина откинулась на спинку стула, явно входя во вкус разговора. — Ну, допустим. А чего перееха-

ли-то? У вас там, в Европе, вроде всё хорошо: сыр, вино, замки старинные. Говорят, Евросоюз дотации платит. А к нам зачем?

Граф выдержал паузу. В его тёмных глазах мелькнуло что-то, что Маша уже научилась распознавать — легкая, едва уловимая ирония.

— Знаете, — сказал он задумчиво, — в Европе сейчас слишком много... нетерпимости. Расовая нетерпимость, знаете ли. Ко мне там относились... ну, скажем так, с предубеждением.

Женщина понимающе закивала. Её лицо смягчилось.

— Ой, знаем мы эту загнивающую Европу, — сказала она с чувством глубокого удовлетворения. — Им бы только права качать да толерантность разводить. А как до дела — так сразу: «вы не такой, как мы». У нас в России душа широкая, всех примем. (Она окинула графа оценивающим взглядом). Вы, кстати, похожи на приличного человека, хоть и бледный.

— Благодарю, — граф слегка склонил голову.

— А что за нетерпимость-то? — не унималась женщина.
— Из-за чего травили?

Граф задумался на секунду. Маша затаила дыхание, чувствуя, что сейчас начнётся импровизация.

— Видите ли, — начал граф своим бархатным голосом, — у меня... особенности внешности. Скажем так, солнечный свет мне противопоказан. И некоторые люди в Европе считают это... опасным. Знаете, предрассудки, средневековые

страхи... В Трансильвании это особенно остро чувствуется. До сих пор некоторые верят в старые легенды.

Женщина слушала с растущим сочувствием.

— Аллергия на солнце, что ли? — догадалась она. — У моей племянницы тоже такое бывает, весной пятнами идёт. Врачи говорят — фотодерматит. Тоже, бедная, летом мучается.

— Сочувствую, — дипломатично кивнул граф.

— И что, из-за этого травили? — возмутилась женщина. — Вот что значит загнивающий Запад! У них там демократия, а человека из-за болезни могут затравить. Стыдоба. А у нас — пожалуйста, живи где хочешь. Вон, в Питере вообще полгода солнца нет, самое то для таких, как вы. И в Москве нормально, пасмурно часто.

— Именно поэтому мы выбрали Москву, — вставила Маша, стараясь, чтобы голос звучал серьёзно. — Здесь климат подходящий. И люди душевные.

Женщина согласно кивнула и вдруг прониклась ещё большим расположением.

— Правильно сделали, что переехали. У нас, знаете, и ипотека для всех, и налоги не кусаются. Я сама десять лет назад брала квартиру, до сих пор выплачиваю, но ничего — справляемся.

Граф задумался. В его глазах мелькнул опасный блеск.

— Но без отчества никак нельзя.

— А можно, например... Владек Трансильванович? —

спросил он с абсолютно серьёзным лицом.

Женщина замерла на секунду, а потом расхохоталась. Смех у неё оказался неожиданно громким и заразительным — видимо, редко пробивался сквозь броню бюрократических привычек.

— Трансильванович? — повторила она сквозь смех. — Ну и фантазия у вас, европейцев! Это ж надо такое придумать. Прямо граф Дракула получается.

Маша закусила губу, чтобы не прыснуть. Граф оставался невозмутим, но в уголках его губ притаилась улыбка.

— Ладно, — женщина вытерла выступившие от смеха слёзы. — Запишем просто Владек, без отчества, раз уж вы иностранец. Но в следующий раз приносите справку, что у вас действительно нет отчества. А то потом с пенсией проблемы будут. У нас любят, чтоб всё по форме.

— Обязательно принесу, — пообещал граф.

Женщина снова хмыкнула, приняв это за шутку.

— Остроумный, — сказала она, ставя печать. — Нравится мне такой подход. Удачи вам с вашим... Трансильвановичем.

Она заполнила какие-то бланки, вклеила в паспорт (вместо фото — голограмма с надписью «Не подлежит визуализации») и протянула графу тёмно-бордовую книжечку.

— Ваш паспорт. Гражданин Российской Федерации. Срок действия — бессрочно. В смысле, пока существование не прекратите. Если прекратите — родственники должны сдать

в течение 14 дней.

— У меня нет родственников, — грустно сказал граф.

— Тогда сами сдадите, если что, — отрезала Зинаида Ивановна.

Она протянула готовые документы и уже собралась закрыть окошко, но вдруг остановилась.

— А чего переехали-то на самом деле? — спросила она уже почти по-свойски. — Не из-за аллергии же?

Граф посмотрел на неё долгим, чуть печальным взглядом.

— Знаете, — сказал он тихо, — в Европе сейчас слишком много правил. Слишком много контроля. А я... я просто хочу жить там, где меня не будут преследовать за то, кто я есть.

Женщина понимающе кивнула.

— Ну, у нас с этим проще. У нас если ты не лезешь в политику и налоги платишь — живи как хочешь. Хоть в гробу спи. Следующий!

Маша поперхнулась воздухом. Граф остался невозмутим.

— Спасибо, — сказал он. — Обязательно учту.

Они вышли из кабинета, и Маша буквально выдохнула только в коридоре.

— Владек, — прошипела она, когда они отошли на безопасное расстояние. — Ты гений. «Расовая нетерпимость»! «Преследования в Европе»! Она сейчас чуть не прослезилась от жалости к тебе.

— А я не шутил, — пожал плечами граф. — Меня действительно преследовали. В Трансильвании до сих пор неко-

которые считают, что я их тощих коз жру. И охотятся с осиновыми кольями.

— Это не расовая нетерпимость, — закатила глаза Маша.

— Это просто глупость.

— Для меня это чистейшая дискриминация по признаку бессмертия, — с достоинством возразил граф.

Маша рассмеялась.

— Привыкай. Теперь ты официальный мигрант из Трансильвании.

На улице уже стемнело. Маша и граф стояли на крыльце МФЦ, и Маша чувствовала, что дико хочет спать, есть и пить кофе — в любой последовательности.

— Мария Сергеевна, — граф повернулся к ней. — Вы даже не представляете, как я вам благодарен. Сто лет я не имел документов. Меня выгоняли из гостиниц, не пускали в поезда, однажды даже арестовали в Венеции за бродяжничество. А вы за один день решили эту проблему.

Маша смутилась.

— Да ладно, я просто привелас в МФЦ...

— Нет, — он взял её руку в свою. Ладонь у него была прохладная, но не ледяная — как камень, который полежал на солнышке. — Вы удивительная. И я хочу отблагодарить. Ужин?

— Ужин? — Маша представила ужин с вампиром. — А что вы едите? Вернее, что пьёте?

— Сегодня я пью только за ваше здоровье, — улыбнулся

граф. — В ресторане. Человеческом. Я закажу себе томатный сок. Обещаю не пить из официантов.

Маша засмеялась. Она давно не ходила в рестораны, постоянно заказывала доставку, чтобы не отрываться от работы.

— Хорошо. Но только если вы расскажете, как вам удалось сто лет прятаться от паспортного стола.

— О, это долгая история, — граф галантно предложил ей руку. — В ней есть и побег, и переодевания, и однажды я даже притворился чучелом в краеведческом музее. Три года прожил в витрине, пока экскурсовод не заметила, что я моргаю.

— И что было?

— Меня перевели в зал древних артефактов. Там было меньше посетителей.

Маша снова рассмеялась, и они пошли в сторону «Майбаха», припаркованного прямо на тротуаре — видимо, графу было всё равно на правила.

— Кстати, — вспомнила Маша. — А почему вас не штрафуют за парковку?

— Штрафуют, — вздохнул граф. — Но я плачу золотом. Гаишники сначала удивляются, потом берут. Инфляция золоту не страшна, говорят.

Маша покачала головой. С этим графом точно не соскучишься.

Она села в тёплый салон «Майбаха», пахнувший кожей и

сандалом, и подумала, что это, наверное, самый странный клиент в её жизни.

Глава 3. Справка о доходах, или Тайна вечной бухгалтерии

09:15, спальня Маши

Маша проснулась с ощущением, что вчера случилось что-то важное. И не только важное, но и очень странное.

Она ужинала с вампиром.

Воспоминания накатывали волнами: как граф галантно открывал перед ней дверь «Майбаха», как заказал томатный сок и с таким видом пил его, будто это было коллекционное «Кьянти» 1985 года. Как рассказывал про чучело в музее. Как смотрел на неё своими тёмными глазами, и Маша вдруг поймала себя на мысли, что ей совсем не страшно.

А ведь страшно должно было быть. Перед ней сидел хищник, которому для обеда нужна была не котлета по-киевски, а, скажем, официантка с третьей отрицательной. Но граф вёл себя как идеальный джентльмен — спрашивал про её работу, про родителей, про то, любит ли она собак.

— Собак люблю, — сказала Маша. — А вы?

— Я предпочитаю кошек, — граф загадочно улыбнулся.
— Они тише. И не лают по ночам.

— А летучие мыши?

— С ними сложно — шумят, когда возвращаются под утро. Вечно с перепою в окна врезаются. Хотя после панде-

мии теперь их редко вижу.

Маша засмеялась и подумала: «Господи, я сижу в ресторане с настоящим вампиром и смеюсь над его шутками про летучих мышей и ковид. Куда катится этот мир?»

А под конец ужина граф вдруг стал серьёзным и сказал:

— Мария Сергеевна, я понимаю, что для вас это всё... необычно. Но мне очень нужна ваша помощь. Я хочу этот подвал. И я хочу ипотеку. Чтобы всё было по закону. Вы можете?

Маша, допивая чашку кофе (граф заказал ей десерт «Павлова» и смотрел, как она ест, с таким умилением, будто она была котёнком, впервые увидевшим сметану), кивнула:

— Помогу. Куда я теперь денусь?

А в 10:15 утра она снова стояла у ресторана и ждала чёрный «Майбах». В руках у неё был список документов для ипотеки, составленный менеджером банка «Клык-Капитал».

Список выглядел так:

1. Паспорт гражданина РФ (есть!)
2. Справка 2-НДФЛ за последние 6 месяцев
3. Трудовая книжка (копия, заверенная работодателем).

Никаких электронных

4. СНИЛС

5. ИНН

6. Документы на объект недвижимости (есть!)

7. Справка о составе семьи (для неженатых и одиноких — справка об отсутствии семьи).

8. Медицинская справка формы 086/у (для бессмертных — форма 086/В).

Маша перечитала список три раза, надеясь, что пункт про медицинскую справку ей померещился. Не померещился.

«Майбах» подъехал бесшумно. Граф вышел, сегодня в элегантном тёмно-синем пальто и с шарфом, небрежно намотанным вокруг шеи. Выглядел он так, будто только что с обложки GQ, а не из гроба после восьмичасового сна.

— Доброе утро, Мария Сергеевна, — он взял её руку и, кажется, собирался поцеловать, но в последний момент просто слегка коснулся губами воздуха над запястьем. — Вы сегодня ослепительны.

Маша хмыкнула. На ней были джинсы, тёплый свитер (уже без оленей, слава богу) и пуховик, который делал её похожей на колобка в зимней спячке.

— Владек, давайте сразу к делу, — она сунула ему под нос список. — Смотрите. Это то, что нужно для ипотеки. У вас есть из этого хоть что-то, кроме паспорта?

Граф надел очки. Маша чуть не поперхнулась воздухом — очки оказались в тонкой золотой оправе, и в них он выглядел как профессор вампирологии, только очень красивый.

— СНИЛС, — прочитал он вслух. — ИНН. Что это?

— Зелёные карточки. Номера. В них записано, что вы существуете и платите налоги.

— Я не платил налоги последние лет триста, — задумчиво сказал граф. — В Трансильвании вообще была другая си-

стема. Мы платили дань натурой — зерном, скотом, иногда кровью, но это для особых случаев.

— Кровью? — Маша представила, как граф несёт в казну пакетик с кровью. — Ладно, неважно. Поехали. Сначала СНИЛС и ИНН. Это быстро.

10:30, отделение Пенсионного фонда на Новокузнецкой
Очередь здесь была меньше, чем в МФЦ, но атмосфера — мрачнее. Потому что пенсионеры — народ суровый. Они пришли сюда за своими кровными и никому не дадут спуску.

Граф с его аристократической внешностью привлёк внимание сразу. Бабушка с палочкой, сидевшая напротив, уставилась на него в упор.

— Молодой человек, — вдруг сказала она. — А вы чего такой бледный?

— Натура такая, — вежливо ответил граф.

— А язвы желудка случайно нет? У меня зять тоже бледный был, пока язву не вылечил. Теперь румяный, как боров. Проверься обязательно.

— У меня не язва, — мягко сказал граф. — У меня... особенности пигментации.

— Особенности, — проворчала бабушка. — Вон молодёжь пошла, ни кровиночки в лице. А в наше время девки красные были, как наливные яблочки. Потому что на воздухе работали, а не в телефонах сидели.

Граф посмотрел на Машу с выражением «спасите-помогите».

— Бабуль, он из северных районов, — вмешалась Маша.

— Там солнца мало, вот и бледный.

— А, — бабушка удовлетворилась объяснением. — С Мурманска, что ли?

— Примерно, — кивнул граф.

— Ну, бывай, мурманский. СНИЛС получай, без СНИЛСа сейчас никуда. Я без СНИЛСа даже пенсию не получала, пока внук не оформил.

Через полчаса они вышли из Пенсионного фонда с заветной зелёной карточкой. Граф вертел её в руках с таким удивлением, будто это был артефакт инопланетной цивилизации.

— И что, здесь действительно написано, что я существую?

— Ну, технически да, — Маша забрала у него карточку и убрала в папку. — Теперь ИНН. Это в налоговую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.